

Дом на Дворцовой

Владимир Антонов



Владимир Антонов
Дом на Дворцовой

«Автор»

2015

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос)

Антонов В. Н.

Дом на Дворцовой / В. Н. Антонов — «Автор», 2015

ISBN 978-5-7399-0197-0

Книга рассказывает о людях, живших в великой стране в двадцатом веке. Рассказывает о любви, страданиях и необычных судьбах. О войне и блокаде Ленинграда. О тяжёлой послевоенной службе и всевозможных приключениях немногочисленных членов одной семьи на протяжении всего повествования. Многие описываемые события вымышлены. Персонажи, схожие с реальными людьми, случайны так же, как и совпадения отдельных имён и фамилий героев.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос)

ISBN 978-5-7399-0197-0

© Антонов В. Н., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	8
3	11
4	15
5	19
6	21
7	26
8	29
9	31
10	33
11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Антонов

Дом на Дворцовой

© В. Антонов, 2015

© Изabella Глаз, художественное оформление, 2015

Часть первая

«Защищенных любовью беда обходит стороной...»

1

Этот дом хорошо известен жителям Петербурга. Из окон дома видна Нева, Стрелка Васильевского, Петропавловская крепость и два моста: Троицкий и Дворцовый. Справа Мраморный дворец, где во дворе стоит легендарный броневичок, хранящий отпечатки ботинок товарища Ленина на крышке пулемётной башни. Слева Дом учёных. Кто до революции жил в этом доме, кто жил сразу после – автор не знает, но осенью 1932 года у парадного подъезда жилого дома номер десять по Дворцовой набережной остановилась набитая всяким барахлом полуторка. Из кузова грузовичка с визгом и смехом посыпалась ребятня. Сначала маленькая и смешная Маришка. За ней чуть постарше и серьёзней – Тамара. Ещё постарше – вздорная и капризная Лариска и, наконец, почти взрослая, на вид очень строгая и не по годам высокая двенадцатилетняя Галя. Открылась дверь кабины и оттуда, опираясь на крепкую руку мужа Григория – кучерявого высокого «молодца» лет тридцати пяти, «вывалилась» беременная пятым ребёнком темноволосая красавица Нина. Она неспеша оглянулась по сторонам. Потом, чуть откинувшись назад, подняла голову и «выцепила» взглядом чёрных выразительных глаз витую кованную решётку балкона на втором этаже дома. Шумно вобрала в себя свежий невинский воздух и, непонятно кому и для кого, а скорее всего самой себе, прошептала на выдохе:

– Ну, здравствуй, любимый! А ты почти не изменился, только немножко постарел.

– Ты это мне? – оживился Григорий, уловивший только конец фразы. – Ты тоже не молодеешь, между прочим, а я всего на три года тебя постарше. Так что помалкивай! Тоже мне молодуха выискалась, – чувствовалось, что он устал с дороги, отчего беспрерывно раздражался. Его раздражение передавалось дочерям. В первую очередь, старшей Гале, которая на самом деле, была не его дочка, а его старшего брата Ивана. Того зарубили «продотрядовцы» ещё в девятнадцатом.

– Да ты – то здесь причём, Гриша!? Не зря твоя фамилия Козлов, потому что именно так себя и ведёшь! – затем почти беззвучно про себя: «Вот уж действительно фамилия так фамилия! Надо же было такую выбрать. Как будто нельзя было придумать, например, Соболев или Жеребцов. Нет! – Жеребцов нельзя! – Ещё не хватало, чтобы за потомка бабушкиного мужа приняли. А вот Коровин было бы неплохо. Надо же – Козлов! Так и несёт вонючим пролетариатом...» – Нина состроила гримасу отвращения. – Хотя Козлов явно лучше, чем, например, Козлевич или Пердобляхин. Ладно, надо к сестре идти за ключами и скорее – скорее лечь. А то спина прямо отваливается». Закончив безмолвный монолог она громко произнесла: – Чего по сторонам-то зыркаешь? Пошли. А ты, Галька, стой здесь и никуда от этого драндулета не отходи. Маришка, не балуйся!

Вот так двенадцатого сентября 1932 года состоялось возвращение в своё семейное гнездо потомков рода Чубариных – Жеребцовых. Потомки состояли из Нинки Козловой с дочерьми и её мужа Гришки Козлова – весельчака, придумщика и неугомонного «ходока». Покинув Петербург, как это сделали её старшие сёстры ещё в восемнадцатом, вчерашняя гимназистка Нина осела недалеко от Смоленска в селе Никитино. Там она вышла замуж за местного купчишку Ивана Кулакова и вскоре родила первую дочь.

2

А перед этим случилось вот что. Тучи собрались вместе и покрыли небо над Петроградом чёрными и серыми пятнами. Как будто тёмное вино пролилось на плохо стиранную скатерть на пиру разнообразной нечисти, слетевшейся к застолью по зову стонущего от страданий времени. Тучи спрятали от людей солнце и луну. Стало не видно, как чёрная масса увеличивает себя в объёме и количестве, устремившемуся к критическому. Раздался залп легендарного крейсера. Хлопнула створка окна и стекло разбилось, осыпав мелкими осколками подоконник. Тотчас свежий ветер революции ворвался в комнаты квартиры, принадлежащей семье Андрея Владимировича – отца Нины и её двух старших сестёр. Чтобы не простудиться от ветра, а больше от неверия в то, что ветер принёс свежую правду жизни, он в спешке собрался в соседнюю Данию. Консульская служба Датского Королевства как раз занимала первый этаж дома и проблем не случилось. Там он задержался в надежде переждать смутные времена вдали от революционных пламенных перемен и ужасов первой мировой войны. Дочери ехать отказались, потому что по молодому несмышлению и наивности поверили в большевистское всемирное счастье и равенство для всех. В государственную думу, учредительное собрание и временное правительство. Неважно, кто в этом правительстве – Ленин, Миллюков или Керенский. Главное – чтобы не было царя! У дочерей были и другие причины остаться. У старшей Натальи расцветал пламенной страстью роман с молодым поэтом Войцеховским, а средняя Анастасия была поглощена танцами в студии талантливого балетмейстера Сардова. Младшая Нина без сестёр себя не мыслила и без видимых причин тоже отказалась ехать с отцом. Часть ценностей Андрей Владимирович забрал с собой, но большую половину оставил дочерям, справедливо поделив между ними. После этого он глубоко вздохнул от тяжёлого предчувствия беды. По очереди обнял всех троих, перекрестил и уехал на вокзал, наказав за собой не следовать и не провожать.

Через две недели или около того после его отъезда в квартиру неорганизованной ватагой нахраписто ввалились вооружённые винтовками с гранатами матросы. Их обуревали разные чувства. Во главе у них была «обязательная» в таких делах личность в кожаной тужурке. У личности на руках был ордер. Целью их визита было «уплотнение» буржуев и если получится, то и пострелять в них для устрашения и наведения строгого порядка в соответствии с указом реввоенсовета. Буржуев в квартире оказалось достаточно. Они безусловно подлежали «уплотнению» в первую очередь. В конкретно описываемом случае в пользу ответственного работника только что образованного народного комиссариата продовольствия товарища Зибякина. Вероятно, в силу высокообразованности и выдающихся способностей до этого он почему-то прозябал в подвале дома на Выборгской стороне окнами на помойку. Революция, почувствовав себя хозяйкой, начала реализовывать свои завоевания с экспроприации «буржуйских» хоромов. А как иначе?

– Вы пожили в барских покоях, пожировали! Кровососы пролетарских душ! Теперь наша очередь и не питюкайте нам тут, если жизнью дорожите.

Наступило первое разочарование! Ответственный работник вёл себя вызывающе грубо. По разному обзывался, пил водку, выданную ему из запасников комиссариата, и без конца чего-то нюхал. Это «что-то» по виду напоминало дуст. После этого он чего только не вытворял. Мыть за собой и мужем горшок, ванную и пол в коридоре его сухая и тощая как щепка подруга категорически отказалась. Она ссылаясь на наступившую мировую справедливость:

– Мало мы на вас, буржуев, всю жизнь горбатились? Говно ваше лопатами выгребали повсеместно, чтобы вашим жоп-м уютней гадить было!

Разочарование усиливалось, потому, что отмывать с фарфорового унитаза скверно пахнущие экскременты комиссара и его сожительницы никак не соответствовало восторженному от наступившего всеобщего равенства настроению и светскому воспитанию сестёр. Комиссар с испитым и покрытым жирными прыщиками лицом, олицетворяющий текущие свершения, был носителем большого количества присущих каждому пролетарию недостатков. В числе главных, соответствующих его отвратительному «портрету», оказалось поощряемое наступившей эпохой сластолюбие. Или же, чтобы быть точнее, насильственное прелюбоострастие. Посомневавшись денёк, с кого из сестёр начать, он решил одарить своей немой страстью среднюю. Анастасию. Она казалась ему и помясистой, своя-то костлявая уж больно надоела, и попокладистой. Вот тут как раз он ошибся. Настя ему не далась. Она оказалась проворнее, потому что почти полгода с энтузиазмом готовилась вступить в женский батальон. Там в подготовку входило обучение рукопашному бою. Батальон отправился на фронт, в конце концов, без неё. Вследствие своей проворности она изрядно, с удовольствием и усердием прошлась по противному внешнему облику Зибякина, выправив нос с курносого на наоборот. Начальственные штаны, которые тот, обуреваемый похотью, успел снять, она выкинула в окно прямо на набережную. Осенний ветер их немедленно подхватил и унёс. Сменных штанов у комиссара не оказалось. Зато в сложном положении оказалась виновница их пропажи. Уполномоченный Зибякин бегал по коридору, палил из маузера, вопил про контрреволюцию, которую ему устроила неподвластная хамскому насилию Настя, и требовал вернуть штаны:

«Отдай штаны, шлюха буржуйская. Я – назначенный революцией комиссар и являюсь имуществом партии большевиков во главе с товарищем Лениным... ты слышишь, мать твою..., что я тебе говорю, сука... А штаны являются моим имуществом и выданы мне по особому списку, подписанному лично товарищем Урицким, который есть имущество всенародное, только поменьше, чем товарищ Ленин, и поэтому мои штаны тоже имущество всенародное и возврату подлежат при любых обстоятельствах... Уйди вон, паскуда тощая, пришибу, – злобно прорычал он пытавшейся оттащить его от двери доходяге – сожительнице. – Отдавай штаны, гадина контрреволюционная, или сейчас пристрелю, мать вашу..., всех по порядку. Тебя тоже пристрелю, если не отвяжешься», – последняя часть монолога была адресована всё той же сожительнице.

Так он простоял под большой дубовой дверью, колотя в неё рукояткой нагана, матерясь и жестикулируя минут двадцать. Потом устал от ненависти к врагам, прилёг тут же на коврик около двери в одних нестиранных кальсонах и мирно засопел. Во сне к нему пришёл товарищ Урицкий, неся в правой руке «Манифест коммунистической партии» Карла Маркса, а в другой – книгу вождя пролетариата под названием «Империализм и эмпириокритицизм». В третьей руке был такой же, как у него самого, большой маузер. Моисей Соломонович поднял оружие и направил ствол в сторону дрожащего от страха ответственного продовольственного работника:

«Тебя, Зибякин, назначили продукты охранять для питания революционных элементов или с буржуйскими шлюхами прелюбодействовать во вред гражданской жены твоей товарищу Фиры Марковны? Ты почему горшок за собой не моешь, засранец? – Моисей Соломонович прищурил правый глаз и взвёл курок нагана. – Именем революции, за предательство, выразившееся в утере кожаных штанов, бывший товарищ Зибякин приговаривается... к пожизненному ношению кальсонов! Приговор вступает в силу немедленно и обжалованию не подлежит!» – огромная фигура прославленного и обличённого большой властью бандита заполнила собой пространство... Стало нечем дышать... Раздался вопль... И товарищ Зибякин проснулся весь в поту от страшного видения. «Моисей Соломонович, да ещё и с наганом – Нет! Это не просто не к добру, это совсем даже наоборот. Это к беде ужасной и непоправимой! И зачем только я этой гадости вчера нанюхался?».

А для сестёр наступило второе разочарование, оказавшееся последним. Жаловаться было некому, поскольку пролетарская иерархия ещё не определилась. Кто кому подчиняется, было не ясно. Поэт куда-то срочно уехал не попрощавшись. Балетная студия закрылась. Ждать повторного визита с «уплотнением» по отработанному новой властью сценарию сёстры не захотели. На самом деле они просто побоялись и к утру следующего дня разъехались в разные стороны необъятной России. Они договорившись писать. Но главное, о чём сёстры договорились, – это «забыть» на время своё происхождение и ближайшее прошлое. А дом продолжал жить своей жизнью, постоянно «уплотняясь» и теряя привлекательность. В конце концов он превратился в обычный перенаселённый жилой дом, в котором очень скоро перестал работать лифт и канализация.

3

До 1914 года, ещё ребёнком, она ездила на поезде почти каждый год в одном и том же направлении. В Кисловодск. Там отец Нины – Андрей Владимирович – восстанавливал здоровье, употребляя по составленному доктором графику минеральную воду из источника номер четыре. Там же принимал грязевые ванны для общего укрепления нервного состояния тела и души. Целебная вода ему помогала. Печень и другие органы за месяц восстанавливались и потом целый год его не беспокоили. Для маленькой Нины поездка была праздником, развлечением и загадочным путешествием одновременно. Она ничем не болела, просто была ещё маленькая, и оставлять её со старшими сёстрами в Петербурге Андрей Владимирович не решался. Поэтому всегда брал с собой. В купе поезда всё было, как в хорошей гостинице: две отдельные кровати находились каждая у противоположной стенки, между ними достаточно широкий проход от входной двери до окна. У окна находился столик, сидя за которым можно было выпить чаю или почитать свежую прессу, попадающую в вагон своими лазейками на каждой остановке. Туалетная комната находилась там же в купе. Стены купе были отделаны дорогой тканью и деревом. Вся поездка от Петербурга в Кисловодск обычно длилась три дня и три ночи. Завтракали в вагоне-ресторане, где помимо вкусного омлета Ниночка всегда просила отца заказать её любимое пирожное Эклер и чай с жасмином. До обеда она читала. В последний раз с собой она взяла сборник стихов и модный тогда роман Жорж Санд – «Консуэло». Конечно, для четырнадцатилетнего то ли ребёнка, то ли подростка читать перенасыщенный любовной чепухой роман было, наверное, рановато. Но Андрей Владимирович смотрел на это снисходительно. Он справедливо полагал, что запретами процесс созревания юного создания не остановишь. Если читать не хотелось, Нина смотрела в окно на пробегающие мимо деревушки и поля, небольшие уездные городки с оттопыренными в небо колокольнями старинных церквей с синими и золотыми куполами. Поля колосились рожью и пшеницей, но пшеницей южнее. Сразу за Нижним. Оттуда началось бескрайнее золотистое море посевов великолепных её сортов, которыми кормилось в то время всё отечество и половина Европы. Дважды поезд пересекал Волгу, делающую один поворот за другим. Неожиданно сужающуюся после очередного изгиба и вдруг разливающуюся в разлёт так, что не было видно противоположного берега. От красоты девочка приходила в восторженно-возбуждённое состояние и криками: «Папа, папа... иди сюда скорее...» влекла его к окошку, чтобы ему тоже досталась радость от увиденного. Нина сильно пугалась, когда встречный поезд неожиданно появлялся из ниоткуда. Он перекрывал обзор из окна и громко гудел, сбиваясь с тяжёлого баса на свистящий в разные стороны фальцет и стуча колёсами. А потом наступало обеденное время, вместе с которым наступал праздник чревоугодия. На поездах южного направления всегда были рестораны с хорошей, если не сказать изысканной кухней, творимой поварами, нанятыми администрацией Николаевской железной дороги за границей или перекупленными у столичных ресторанов по контракту на летний сезон. В это время года жители северного города устремлялись к югу, а городские рестораны пустели. После обеда Андрей Владимирович обычно дремал или читал газету, лёжа не раздеваясь на своей кровати, а дочка продолжала любоваться предзакатными пейзажами по обе стороны мчащегося к югу поезда.

Совсем иначе выглядело её сегодняшнее путешествие от Петрограда в сторону Смоленска. Поезд шёл и останавливался. Подолгу стоял и снова двигался потихоньку, прощупывая в ночное время путь впереди себя светом слабого прожектора. Вагоны были старые, отслужившие своё. Стёкла в окнах треснутые или вообще не было стёкол. В этом случае оконные проёмы были заткнуты старыми подушками или потрёпанными от времени матрасами. Люди путешествовали в основном без причины, а лишь только для того, чтобы не

сидеть на месте или в поисках другой лучшей жизни. Они были похожи друг на друга серыми небритыми лицами и полуголодными взглядами. Каждого из них когда-то любили, и они имели приют телу и душе. Сегодня тело и душа на годы привыкали к ненависти и жизненным неудобствам, чтобы в последствии владеть отвоёванным у других новым миром. В новом мире им обещали много еды и тепла. У всех за спиной или на коленях находился дорожный мешок, в котором лежали хлеб, кусок сала, соль и сменные портянки. В вагонах было холодно, несмотря на бушующие языки пламени в печках-«буржуйках», стоящих в каждом вагоне. На них кипятили воду счастливые обладатели жестяных чайников. От махорочного дыма у пассажиров слезились глаза, но никто не жаловался и курильщиков не беспокоили. Разве что просили выдыхать дым в сторону или вверх к потолку. Нине досталось место у одного из уцелевших окон, которое последний раз мыли, наверное, в 1914 году. Поэтому происходящее снаружи выглядело искажённо. Белый недавно выпавший снег выглядел грязным и каким-то несвежим. Небо и того хуже. Голубого оттенка грязное стекло не пропускало, и небо представлялось покрытым жёлто-коричневыми облаками. Время от времени по вагону проходили мешочники. Это был новый тип мелких торговцев, делающих свою прибыль не на рынках, где было не протолкнуться от таких же мешочников, а в дороге на поездах или пароходах. Они носили в своих мешках кое-что из еды на обмен, тем самым спасая от голода блуждающую по стране братию искателей новой жизни. На шестой день поезд сделал остановку в Смоленске.

От вокзала в Смоленске до села Никитино Нина добралась на перекладных к вечеру. Там среди берёз и тишины в небольшом полуразорившемся поместье подводил итоги своей бестолковой жизни Нинин дядя по материнской линии. Здесь она нашла временное пристанище. Дядя Коля, бывший инженер-железнодорожник, закончил карьеру в должности начальника станции три года назад. Недовольная и неудовлетворённая карьерой мужа из-за её малой значимости в обществе, его жена ещё раньше уехала в Москву, а дядя Коля со временем привык жить один. Приезд родственницы его не особенно обрадовал, хотя... К утру у него изменилось настроение. Он по-новому взглянул на событие вчерашнего вечера, когда сначала раздался стук, а потом открылась тяжёлая деревянная дверь дома и на пороге появилась едва узнаваемая молодая особа, представившаяся: «Нина Андреевна – ваша племянница! Дядя Коля, неужели Вы меня не узнаете? Ну, вспоминайте скорее».

Проворочавшись почти до рассвета от нахлынувших воспоминаний и, как следствие, настигшей его бессонницы, он дал распоряжение своему бывшему управляющему, а ныне помощнику в старческих и мелких делах по дому, подготовить всё необходимое, чтобы Ниночка пожила у них подольше:

– Оставайся! – вместо: – С добрым утром! – было первым словом дяди на следующий день, когда Нина вышла к утреннему чаепитию. – Осмотрись, поживи, с людьми познакомься. Глядишь – жизнь и наладится... Ты мне про сестёр то когда расскажешь?

Жизнь и вправду стала налаживаться сама по себе безо всякого вмешательства извне по своим индивидуальным жизненным законам, направляющим события то в грустном, то в удивительно спокойном и радостном их восприятии. Зима была мягкой и снежной. Снега выпало столько, что стоило опасаться весенних паводков от его необыкновенного обилия. А можно было, наоборот, не опасаться паводков, а радоваться, что земля насытится влагой вволю и урожай будет потом обильный. Чтобы всем хватило – и червям, и людям. Весна не испортила праздника просыпающейся природы и вслед за мягкостью зимы подарила людям много солнца и особенного весеннего тепла, которого те не заметили по причине занятости делами революции и личного пропитания. Наступило лето. Оно, как бы следуя уже начатому в этом году миротворчеству в природе, продолжало и дальше вести себя в соответствии с этим сценарием. То дождиком порадует, а потом сразу жара. И хочется наплаваться до изнеможения в пруду или в речке, что протекает неподалёку. А наплававшись, упасть

на прибрежный песок и лежать раскинув руки с закрытыми глазами, мечтая о чём-нибудь. Иногда по выходным они с дядей ходили или ездили в гости к ближним соседям. Или принимали гостей у себя. Вечера по будням Нина проводила за чтением разным и в мыслях о сёстрах и об отце, так внезапно принявшим единственно правильное в тот момент решение уехать: «Какими же надо было быть дурами, чтобы вот так поверить во весь этот революционно-большевистский бред. Как прав был отец! Он как будто бы знал, что именно так всё и будет. Ну ладно Настя. Она в этого рифмоплёта влюбилась. Наташка со своими танцами никак расстаться не могла. Но я – то, я!? – меня ведь ничего не держало. Почему я осталась, дура? И что теперь... Где отец?.. Где сёстры?.. Сама я – где? Увидимся ли когда-нибудь?».

В один из тихих вечеров в доме дяди Коли появился Иван Христофорович – купчишка без гильдии, тридцати двух лет отроду, с маленькой аккуратно постриженной бородкой и серебряными часами на цепочке – обязательным атрибутом, указывающим на принадлежность к купечеству. Желая произвести эффект на молодую красивую девушку, он беспрестанно доставал часы из левого кармана жилетки, позвякивал цепочкой, неспеша щёлкал крышкой и сосредоточенно смотрел на циферблат, нахмутив лоб и шевеля уголками рта. Затем произносил:

– Да, вот... Так и живём потихонечку. День пройдёт, а мы и радуемся, что до следующего дожили. Вам, барышня, наверное, это простое чувство радости даже и незнакомо. А жаль! Вы только задумайтесь в каком мы времени с Вами оказались... – создавалось впечатление, что вот сейчас он найдёт разгадку происходящего и безошибочно назовёт день, когда всё прекратится и вокруг наступит порядок. Дядя уговорил Нину быть к нему поблагодарнее. Ничего плохого та в этом не усмотрела, так как находилась в возрасте, когда тело, наполненное жизненными соками, душа и давно сформировавшаяся в них вся женская сущность требовала одного – достойного мужчину! Иван Христофорович же, помимо бородки, имел пышные светлые волосы и приятный низкий голос. Он был достаточно высок и приторговывал тем, что люди ели. В преддверии надвигающегося голода это многое решало.

Местный революционный комитет их пока не трогал. Он занимался чистками и расстрелами где-то неподалёку, чтобы всем стало не по себе. Проще сказать, страшно. Народный комиссариат земледелия, которому было поручено выполнить обещанное большевиками – «Земля крестьянам!», должен был сначала эту землю отобрать у тех же крестьян, чтобы было что раздавать другим труженикам земли, которые победнее. Первые не понимали, почему они должны отдавать то что их кормит во имя того, чтобы кормились вторые. Поэтому они землю по хорошему не отдавали по причине политической безграмотности. А значит их надо было расстрелять! Как оказалось, расстрелять надо было многих. В прямые функции комиссариата земледелия расстрелы не входили. Произошла временная заминка с патронами. Но тут за дело взялся лично товарищ Троцкий, и работа закипела.

Дядя Коля, бородкой и пенсне похожий на Льва Давыдовича, был совсем не молод. Со своим «железнодорожным» прошлым он на контрреволюционера, как бы, не «дотягивал». А вообще, железная дорога у большевиков была в почёте. По ней товарищ Ленин приехал из Германии, чтобы апрельские тезисы рассказывать и революцию делать. А товарищ Троцкий ездит всё время на собственном поезде из одной губернии в другую, чтобы личным примером организовывать расстрелы по правильному, по большевистски. С оркестром и знамёнами. Лев Давыдович любил порассуждать на эту тему: «Что есть расстрел с исторической точки зрения? Расстрел есть насильственное лишение личности противостоять прогрессивным обстоятельствам, каковыми является, в первую очередь, наша пролетарская революция. Не расстрелять бессовестного буржуа – есть ошибка, которая несомненно приведёт к поражению. Этого допустить нельзя! Вспомните Робеспьера! Вот с кого мы должны брать пример. Никакой пощады дворянским вырождакам и буржуям всех мастей!».

Лев Давыдович больше всего любил женщин и пострелять. Надо отдать ему должное – то и другое у него получалось хорошо. Но второе всё-таки лучше. А у дяди Коли уже много лет не было ни собственной земли, ни батраков, ни прислуги. Поэтому в расстрельные списки его не включили до поры до времени. Ему казалось, что революция так и осталась бунтовать в Петрограде и дальше идти не захотела. Потому что выдохлась, а бои первой мировой уже отгремели. Иллюзия спокойной жизни убаюкивала. Чем не жизнь? Отношения Нины с Иваном Христофоровичем шли к логическому завершению. В конце августа она вышла замуж, избавившись одновременно от надоевшей девственности и от становившейся опасной девичьей фамилии. В первую ночь вместе у них всё хорошо получилось. От этого они сразу стали счастливыми. Дядя Коля тоже очень радовался. Все трое вместе мечтали только об одном – поскорее бы закончилась опасная и непонятная смута и то неопределённое положение, в котором они пребывали по причине этой смуты. Вечерами, лёжа в постели и устав от любви, молодые «путешествовали», каждый раз прокладывая новые маршруты, влекущие в неизведанное. Ночные «путешествия» заменяли им светскую городскую жизнь со всеми её атрибутами: обедами, походами в оперу, балами и театральными премьерами. Вот и сегодня, опустошённая и доведённая до изнеможения неистовым страстным безумием своего юного тела в объятиях мужа, оказавшегося ко всем своим достоинствам ещё и искушённым, опытным любовником, Нина начала строить планы:

– Ванечка, а куда мы с тобой поедem, когда всё кончится? – обычно именно с этой фразы и начинались их ночные похождения – Может быть в Европу не поедem, там сейчас разруха, а на это смотреть не хочется совсем. Я бы лучше в Африку с тобой поехала, там слоны, крокодилы, люди не такие, как мы. Они чёрные! И очень весёлые. Ты бы видел, как они танцуют! У Насти в студии один такой танцор чёрный-причёрный из Америки в паре с моей подружкой танцевал. А давай в Александрию поедem!? Послушай, как красиво звучит: А-л-е-к-с-а-н-д-р-и-я!.. Я иногда представляю себе, что ты Султан какой-нибудь египетский, а я любимая жена в твоём гареме. Только ты и не мечтай даже – я к тебе ни одну из этих кривляк ни на шаг не подпущу, так и знай! А попробуешь мне изменить, так я тебе такое устрою, что революция покажется... Ты меня слышишь, Ванечка? – но Ванечка не слышал, он уже спал. Во сне, навеянном мечтами его избранницы, он был Султаном и у него был большой гарем, в котором царствовала Ниночка – любимая жена!

4

Так прошло полтора, а, может быть, и два года. За это время несколько раз наезжали белые, уставшие воевать. Их прогоняли красные, готовые воевать бесконечно. Красных прогоняли восставшие во имя своего пропитания крестьяне. Потом сила красных удвоилась извне и они порубили шашками восставших насовсем, не жалея никого, чтобы другим в науку и назидание было. Пока всё это происходило, Нина, наконец, забеременела. А ближе к зиме из ближайшего города приехал продотряд, подвод на десять. Всё, что у них было съедобного, бойцы перегрузили в эти подводы! Нemoщность старика и беременность его племянницы начальника продотряда не смутила и не остановила. У него было задание и не выполнить его он не мог. За три недели блуждания по смоленскому бездорожью от деревни к деревне в поисках хоть какой-то жатвы только одна мысль сверлила голову начальника непрестанно: «Привезёшь девять подвод вместо десяти – поставят к стенке! Ни заслуги не помогут, ни знакомство с замгубчека. Всё равно поставят и шлёпнут без сожаления. Да я бы на их месте и сам бы шлёпнул изменника революции».

Продотряд уехал, уступив территорию следующему продотряду. На этот раз из самой Москвы. Эти подчистили остатки! Стало нечем торговать и стало нечего есть. Иван Христофорович ненадолго исчез, прихватив кое что для обмена. Через неделю он вернулся с небольшим запасом муки, сушёного гороха и пшена. А тут и третий продотряд как раз подъехал, чтобы поживиться от голодных в пользу страждущего губернского комиссариата и охраняющих его опричников-чекистов... Мягкий от природы и очень покладистый по наследственному родству Иван Христофорович робко возразил по поводу экспроприации последнего ещё несъеденного. Начальник продотряда отмахнулся от него, как от назойливой мухи, чтобы не бубнил и не путался под ногами. Только в руке у него была не мухобойка, а хорошо заточенная шашка бойца-кавалериста. Ивана Христофоровича в одночасье не стало. Показав Нине в первый раз хамско-похотливую, теперь революция продемонстрировала ей звериную свою сторону. И мир рухнул! Опустошённая потерей близкого человека, она в первые недели после смерти мужа едва осознавала себя, не чувствуя горя и ущербности своей жизни, отныне лишённой всякого смысла.

На похороны из соседнего небольшого городка приехал младший брат Ивана – Гриша, до этого Нине не известный. Хотя нет!.. Что-то Иван рассказывал, но не запомнилось. Испросив разрешения немного пожить в доме Нинино дяди на правах гостя, он, в конечном итоге, остался надолго. Вскоре Гриша привык к дяде, привык к Нине. После того, как она родила дочку, по сути его племянницу, он предложил ей новое замужество. Не испытывая к нему ни любви, ни неприязни, она не долго думая согласилась. Гриша оказался весёлым и каким-то уж совсем беззаботно-безалаберным. Правда, когда их выселили из дома дяди Коли вместе с самим дядей по причине, что дом идеально подходил для того, чтобы разместить в нём Сельсовет вместе с клубом под одной крышей, он был единственным кто не растерялся. Он взял поиск решения жилищной проблемы в свои руки, отвоевав у новой власти небольшой домик, требовавший ремонта, на окраине села. Там они поселились до поры до времени, а на самом деле, на долгие двенадцать лет. Именно в этом доме у них появилась сначала дочь Лариса, писком своим настойчивым и резким оповестившая окружающий мир, что она пришла в него, чтобы выяснить с ним отношения и призвать к порядку. Потом Тамара, чьё предназначение в жизни сведётся, в конце концов, к бестолковой повседневной суете с нелюбимым. А завершила Нинину привычку раз в два года рожать по дочери очаровательная Маришка, как солнышко осветившая полянку, на которую приходили попить и отдохнуть нуждающиеся в ласке и тепле, в лечении и заботе. Сменив старое жилище на новое жильё, Гриша решил, раз уж так пошло, заодно поменять не совсем подходящую для указанного истори-

ческого отрезка времени фамилию Кулаков на какую-нибудь звучную пролетарскую. Действительно, обладатель фамилии Кулаков с середины двадцатых и далее ассоциировался в сознании советских людей с образом врага народа, мироеда и сельского буржуа. А это было небезопасно. Так они стали семьёй Козловых!

До того, как он впервые предстал перед Ниной и его дядей, Гриша уже около года как вернулся с фронта. Там он провёл в общей сложности два с половиной, оттачивая мастерство конной выездки и владения шашкой. Участвуя в боях то победных, а то и вовсе нет. Череду ярких побед и позорных поражений научила его относиться к жизни, как к явлению переменчивому. Где радость сменяется грустью и тоской, любовь – ненавистью. А сама жизнь часто и мгновенно превращается в свою противоположность – смерть! Смерть пугала, заставляя о многом задуматься. Но не настолько, чтобы стать трусом. Так что своего солдатского «Георгия» Гриша добыл в бою, где вволю намазался шашкой. Намазался так и с такой яростью, что подхватив знамя у раненого командира, умудрился увлечь в атаку взвод, за ним роту, а там и весь эскадрон! Этот бой был и навсегда остался главным событием его жизни, а служба в кавалерии привила любовь к лошадям. Привязанность к этим чудным животным, в свою очередь, привела однажды молодого кавалериста в цыганский табор. Удачная выездка, весёлый нрав Гришки пришёлся цыганам по нраву. Он задорно выплясывал и пытался петь цыганские песни, ужасно коверкая слова. Он пел с такой страстью и надрывом, что молодые цыганки плакали от проникновения и внутренней влюблённости в самую суть жизненную, воплотившуюся в Гришке. Он не служил ни белым, ни красным. Всю гражданскую Григорий провёл в таборе, передвигаясь с ним от Смоленска на юг до Волги и южнее вдоль неё к Астрахани. Оттуда через казахские степи на восток в сторону Урала. Потом обратно к Смоленску, но в этот раз через Саратов или Калугу. От Смоленска табор уходил на восьми добротных кибитках, избегая больших дорог и скопления военных людей разноцветных мастей: белой, красной, зелёной и даже чёрной. К чёрной масти относились никем не управляемые бандотряды балтийских матросов-анархистов, которые бессмысленно бродили по бескрайним просторам российских губерний подобно цыганам, размахивая чёрными знамёнами с нанесённой на них надписью «Анархия – мать порядка и правда жизни!». Встреча с ними никому не сулила ничего хорошего, поскольку жизнь человеческая в глазах матросской братвы, подогретой добротным самогоном, стоила не много. Правильнее сказать, – не стоила ничего. А раз так, то отчего не пострелять в сторону проходящего табора с людишками пустыми и никому не нужными, и для общества бесполезными по самой природе своей цыганской. Пашни не сеющими, хлеба не возвращающими, власти никакой с оружием не прислуживающими, но пищу поедающими. Поедание же пищи в голодное время людьми ненужными для новой эпохи – есть преступление. Так думала значительная часть населения, создающая эту эпоху силой оружия и большевистского безобразного беспредела. Те что в тельняшках не были исключением, поскольку сами себя считали основной и решающей движущей силой революционного процесса. Получалось даже весело немного. Цыган бежит, матрос стреляет, цыган кувырком навзничь. Матрос радуется от сознания правильности совершённого поступка и стреляет в другого цыгана для удвоения собственной радости и к удовольствию товарищей. Забавы псевдоанархистов-балтийцев продолжались, как правило, недолго. Встреча с отрядом любого другого цвета заканчивалась полным разгромом бандитов из-за неспособности командиров и непреходящего тяжёлого похмелья личного состава.

Зелёные опасными для табора не были. Зелёные воспринимали цыган иначе, не видя вреда в них более того, чем крестьянин видит в сорной травинке на вспаханном поле, потом его потом. Встреча с ними в худшем случае сулила потерей коня или двух, что было делом поправимым и плёвым для цыган – конокрадов по рождению и глубокому убеждению. Белые же с красными были настолько увлечены борьбой между собой, что не обращали вни-

мания на вечных бродяг, не видя в них ни опасности для себя никакой, ни поддержки. Одни стремились завоевать новый мир, разрушая старый. Другие пытались старый мир сохранить любой ценой и им было не до цыган. Встреча с ними лишь дважды чуть не привела к неприятности, когда молоденький комиссар засомневался в Гришиной принадлежности к вольному сообществу и принял его за дезертира. Выхватив револьвер, он уже собирался превратить Григория в его собственную противоположность – холодную и навсегда неподвижную. Даже без зачтения приговора в связи с военным положением повсюду. Но молодая цыганка повисла у него на руке, сжимающей револьвер, а вторая вытащила из кибитки троих орущих пацанов мал мала меньше, и не успевшее превратиться в камень сердце комсомольца дрогнуло. В другой раз уже казачий разъезд засомневался глядя на его курчавую голову и нос с выраженной горбинкой. Он поначалу причислил Григория к разбросанному по всему свету народу, никогда не прекращающему блуждать и гонимому ото всюду. Но не к цыганскому, а к еврейскому, казачьему сердцу ненавистному и противному изначально и во век. Но и здесь две его защитницы не подвели и замутили казачьему сотнику его усталую от войны голову:

– Да что ты, миленький, где ты здесь иудеев увидел? Мы же все православные как один, как и ты. Только вчера с Гришенькой перед образами молились в селе, что в-о-о-н за тем холмом. Гриша, что ж ты ему крест свой нательный не покажешь, чтоб, наконец, отвязался. А ты, казак удалой, спрячь револьвер свой и слезай с коня. Я тебе погадаю и воды дам напиться. Слезай!

Удача сопутствовала табору и дальше во всё время его кочевья с восемнадцатого и до начала двадцатых годов по степям, лесам и полям погрязшей в гражданской войне России. Однажды, когда кочевники остановились после долгого перехода на отдых на окраине небольшого села недалеко от города Уральска, случилось забавное, как нельзя лучше раскрывающее сущность Гриши. Пока цыгане раскидывали шатры и разводили костёр для приготовления похлёбки на вечер, он пошёл в село, чтобы выменять немного самогону для умиротворения дорожной усталости. Мужиков в селе не оказалось по причине давнишней повальной мобилизации. Так – пара пацанов малых да деды девяностолетние. Но топить по пятницам баню никто не отменял. Сегодня как раз была пятница. Все сельские вдовушки и молодухи парились по-чёрному в бане на берегу пруда. Проходя по селу мимо, Гришка услышал смех и бабье повизгивание. Это его насторожило, как кота мартовского на крыше дома, услышавшего «мяу» соседской кошечки. Потом обрадовало, потому что визг увеличился и стал громче... Инстинкты обострились, и в это же мгновение открылась низкая дверь... Из неё чёрные от сажи выскочили одна за одной несколько селянок и плюхнулись по очереди в пруд, предоставив не верящему в своё нечаянное счастье Григорию возможность беспрепятственно любоваться их прелестями. Плоть выиграла и напряглась. Через несколько мгновений он уже барахтался в пруду раздетый и в свою очередь желанный всеми обездоленными деревенскими бабами... Табор устал ждать и ушёл без него. А Гриша... А что Гриша? Он ещё две недели предавался радостям жизни, беря от неё этот подарок, как должное за голод и пролитую на войне кровь. За опрокинутую навсегда его мир злостную в размах революции и за неизвестное безрадостное будущее. То, что революция идёт и распространяется самостоятельно без него, Гришу не волновало. Ему не хотелось быть её частью и служить ей ему тоже не хотелось. Позже на вопрос, что он делал, когда вокруг гремели революционные страсти, он обычно отвечал, что революции сочувствовал всегда. Но в связи с болезнью из-за перенесённого ранения, приковавшей его к постели, принять в ней участия так и не смог. «Извините, товарищи, вот справочка». Внешностью он был прямой противоположностью брату. Резкие черты лица, нос с горбинкой, тёмные и немного выующиеся волосы. Это делало его похожим на цыгана. А к цыганам он тянулся и всегда их любил. Из под волос выглядывали кончики слегка оттопыренных ушей. И улыбка! Белозубая и редко покидающая Гришу. Разве что, когда уж очень хотелось есть.

Лёгкий характер Григория не соответствовал ни духу свершений, ни настроениям в России. Но именно благодаря этому характеру и Нининым золотым побрякушкам, доставшимся от отца, они пережили голод, болезни детей, смерть дяди Коли, опять голод, новые болезни. В начале тридцатых семья Козловых представляла из себя обыкновенную советскую семью ниже среднего достатка, в составе которой невозможно было предположить выходцев из непростого сословия (не про Гришу разговор). Став мужем Нины, овдовевшей в совсем молодом возрасте, Гриша продолжил то, что так хорошо удавалось его брату Ивану. Он стал исследователем и отчасти даже первооткрывателем её загадочного тела. Упругого, красивого, как у античных Афродиты или Венеры. Гибкого, как плакучая ива, отвечающего на ласки мужа неудержимыми взрывами страсти, которые, в свою очередь, доводили Гришку до иступления. В такие моменты он любил Нину с яростью, сравнимой только с той, с которой он вёл в ту «Георгиевскую» атаку эскадрон в 1916-м! Нинина страсть и Гришина ярость в любовных утехх не сделали их счастливыми. Он часто пропадал где-то. Потом она узнавала, что вовсе не на работе и не по делам. Пропадал Гришка чаще всего либо в таборе, который влёл его вольной жизнью своей, неподвластной всяким катаклизмам и указам про осёдлость цыганскую. Либо около очередной юбки, взбудоражившей его природу. Ничего поделать с собой он не мог. Он просто был такой – «разухабистый», безрассудный, яростный и яркий. Такие нравятся женщинам и своего не упускают! Именно тогда, в самом начале тридцатых, Нина впервые со времени их разлуки получила весточку от старшей сестры Натальи. Сестра пару лет назад вернулась уже не в Петроград, а в Ленинград – город имени великого творца пролетарской революции и одновременно немецкого агента Вовы Ульянова-Ленина. Наталья предлагала младшей сестре подумать о возвращении: «Настя уже вернулась; о жилье, работе и прописке я позабочусь. Слыхала, что у тебя уже четверо, так ты не волнуйся. Дочек в детский сад устрою. В общем, возвращайся!».

Это было как нельзя кстати, Нина тут же воспрянула духом: «Гришка – гад, совсем стыд потерял. То в таборе цыганском гуляет, удаль свою молодецкую растрчивает. То с дочкой ветеринара путается по ночам, то с Катькой соседкой на сеновале кувывается. Мало того что мне уже четвёртого под сердце подсунул. Сволочь курчавая! Гад подлючий! «Шлюхолоб» поганый! Да, надо возвращаться».

5

– ...Маришка, не балуйся! – Нина поднялась на три гранитные ступеньки. Вошла вместе с Гришкой в парадную дверь дома номер десять по Дворцовой набережной, встречи с которым она ждала так долго! В вестибюле переминалась с ноги на ногу Наталья, нервно позвякивая ключами от квартиры пятьдесят шесть. Той самой, из которой они когда-то разъехались в разные стороны. Сёстры обнялись и долго стояли прижавшись к друг другу и чувствуя биение сердец.

– Ой, да ты, кажется, опять беременная? Неужели, пятая дочка будет? – С удивлением и радостью воскликнула Наталья. – Ну...! у меня нет слов. Это что – всё этот кобель чернявый настрогал? Красавец, конечно! Ты хоть познакомь нас, а то стоим, как чужие!

Из радостного щебета сестёр Гришка уже через несколько минут понял, что Наталья не просто работает в домоуправлении, а занимает вполне приличную должность. Эта должность давала ей возможность распоряжаться «жилым фондом». Так нынче назывались дома, комнаты и квартиры, в которых ютились совслужащие и пролетарии. Это и позволило Наталье вселить в бывшую квартиру отца младшую сестру с мужем и целым выводком. Конечно, не на всю площадь, а только на её часть. Эта часть состояла из перегороденного фанерной перегородкой большого зала, который раньше отец использовал как гостиную. Роскошный, отделанный малахитом камин, как ни странно, уцелел и теперь был самым большим украшением в этом новом старом жилище. Карнизы над окнами – старинной резьбы великолепные львиные головы – тоже уцелели. Ещё в одной комнате, где раньше был кабинет отца с библиотекой, теперь жил ответственный работник водопроводного хозяйства с женой и восьмилетним сыном. Квартира называлась незнакомым словом – «коммуналка»!

Нина с мужем и с младшими дочерьми Маришкой и Тамарой поселились в меньшей по площади части бывшего зала, комната была непроходная и это делало её уютной. Старшие Галя и Лариса, перегородив вторую часть зала большой самосшитой занавеской, оказались в своей отдельной комнате с камином и балконом. С балкона было здорово любоваться видом Петропавловки и Стрелки Васильевского острова с её Ростральными колоннами. По набережной часто маршировали бойцы Красной Армии, колонны ОСОАВИАХИМА, спортсмены общества «Динамо». Девчонки махали им прямо с балкона. Вторая половина от этой половины зала была превращена Ниной в столовую, как оно и было когда-то.

Через три месяца в семье Григория Козлова родился Юра – пятый по счёту ребёнок в семье и первый сын! Сестра Наталья, как и обещала, всех устроила. Кого в школу, кого в детский садик. Только Гришка всё никак не соглашался пойти поработать. Он то заболел неожиданно за день до назначенного выхода на работу. То она ему не нравилась или не подходила по каким-то надуманным соображениям, но работать он категорически не хотел. Зато с удовольствием проводил время в бильярдной на Елагином острове в ЦПКиО или с цыганами, с которыми очень скоро завёл дружбу. Участковый, живущий на третьем этаже дома в соседнем дворе, уже начал к нему присматриваться, когда он, наконец, объявил, что нашёл работу по душе. Работа называлась «заготовитель сельскохозяйственной продукции» в кооперативном обществе «Заря коммунизма», расположенном в Апраксином дворе. Работа давала Григорию возможность жить той жизнью, к которой он привык ещё на Смоленщине. Там он от случая к случаю занимался организацией заготовки лесных ягод, грибов, веников и дров. При относительно неплохом заработке он оставался свободным человеком. Мог спать утром сколько захочешь, ездить по области в любом направлении за счёт заготовительной конторы. Играть в бильярд и привычно шпаться с цыганами, с которыми его в будущем связали почти родственные отношения. А сегодня они были его подспорьем в организации заготовок за государственный счёт с последующей продажей излишков на колхозных рынках

г. Ленинграда. Цыгане охотно вкладывали в это предприятие и свои средства, прикрываясь удостоверениями заготовителей. Это давало возможность заниматься обычной спекуляцией без риска быть пойманными. В общем, Григорий Христофорович Козлов оказался на своём месте и до времени там и оставался, вникая вглубь и накапливая жизненный опыт.

6

Просыпался Григорий не рано. Проснувшись, он обычно сразу звонил в контору. Позвонил и сегодня. В конторе происходили вещи разные. Например, поступали разнарядки на заготовку такой-то продукции к такому-то числу. «Общепиту» – полторы тонны картошки к концу недели. Магазины продкооперации – четыреста килограмм свинины и сто кило орехов разных. Банному тресту – две тысячи веников берёзовых к середине следующего месяца и так далее. Председатель правления кооперативного общества решал, кому из работников поручить заготовку. Последнее время ему всё больше и больше нравилось работать именно с Гришей. Тот ловил на лету без слов любую мысль председателя; был способен не просто выполнить работу, но и творчески развить эту мысль. Сегодняшнее задание сводилось к казалось бы простому делу. Надо было заготовить, а на самом деле, просто купить где-нибудь и доставить на склад пятьдесят тонн говядины. На это Грише в конторе выдали наличными определённую и немалую сумму.

– Приезжай в контору, есть дело, – сняв трубку, негромким голосом сказал председатель. – Только предупреди семью, что ненадолго уедешь.

– Я всё понял, скоро буду, а куда ехать-то?

– Не по телефону. Приедешь – узнаешь, – голос председателя звучал заговорщицки.

– Уже еду. Похоже, что-то интересненькое намечается.

На этом закончилась первая часть разговора. Уже в конторе разговор продолжился:

– Значит так, Гриша, на всё про всё у тебя две недели. За это время ты должен, меня не волнует, где и как, доставить сюда на склад пятьдесят тонн говядины. Деньги под отчёт получишь в кассе, да ты и так всё знаешь. Вопросы есть? – председатель не сводил глаз с собеседника, не рискуя до поры до времени раскрывать карты.

– Сколько денег должно остаться, Семён Ефимович? – Гриша начал «въезжать» в ситуацию. Председатель посветлел лицом, радуясь сметливому уму нового работника.

– Вот что, Григорий. Давно хотел с тобой серьёзно поговорить. Вот смотри... Мы имеем двести пятьдесят тысяч наличными, за которые отвечаешь только ты и больше никто. Это понятно? – не дождавшись ответа, он продолжил: – Никому, кроме меня, естественно, не интересно, за сколько ты на самом деле купишь или достанешь (председатель сделал едва заметный акцент на этом слове) товар. Главное, чтобы товар оказался на складе не позднее полудня в понедельник через две недели. Надеюсь, это тоже понятно, – председатель вытер проступивший на лбу пот. Сделал паузу и, как бы между прочим, сказал, отвернувшись к окну: – Мне сказали, не помню кто, что на мясокомбинате в Вологде готовится списание в отходы давно просроченной говядины... Врут, наверное... Давно я не был в Вологде. Там сейчас хорошо. Снежок беленький вокруг лежит, блестит на солнце или позёмочкой стелется. А ты, Гриша, когда-нибудь был в Вологде?.. – он посмотрел на своего понятливого заготовителя и не делая паузы, добавил, как будто разговор шёл о деле давно решённом:

– Езжай, Гриша, время дорого! Второго такого случая может и не быть.

Время и в самом деле было в обрез: «Надо прямо сейчас забрать в кассе деньги и бегом к Бахталу, чтобы успеть договориться с Вологодскими цыганами. Прямо сейчас к нему и поеду. Бахтало – цыган не простой. Он со своей головой и не такие задачки щёлкал. Где он может быть сейчас? В парке?.. На рынке?.. Или, может, в таборе отдыхает где-нибудь в Шушарах. Поеду-ка я на Сенной рынок, поспрашиваю».

Его друг, небольшого роста, весёлый и задиристый, нашёлся в билиардной в парке, как сначала и предполагал Гриша:

– Слава богу, Бахо, что ты здесь. Разговор есть, – тяжело дыша после пробежки по парку проговорил он. Барон, увидев Григория, широко улыбнулся и подозвал к себе:

– Ты что, как конь загнанный дышишь? Вон как ноздри-то раздуваются. Если ты опять про Кармен пришёл со мной разговаривать, лучше сразу поворачивай оглобли. Сначала со своей семьёй разберись... – тут Гриша его перебил и без обиняков изложил суть дела.

Выслушав его и вникнув в суть, Бахтало отложил кий и сосредоточенно направился к выходу из билиардной, Гриша пошёл следом, а оттуда вдвоём они отправились на телеграф. Связаться с вологодскими цыганами не составило труда. После короткого разговора на языке, который Гриша немного понимал, цыган отвёл его в сторонку и сказал: – Встретит тебя кто-то из своих. Я в суть не вдавался – по телефону не стоит... Сам всё расскажешь. Можешь доверять им, как мне.

Прямо с телеграфа Григорий поехал на вокзал. До отправления мурманского поезда оставалось меньше часа.

В вагоне-ресторане было накурено, но окна не открывали и не проветривали, потому что снаружи было холодно. Беломорный дым клубился почти над каждым столиком, поднимаясь к потолку кольцами или маленькими облачками. В мурманском поезде ездили люди жёсткие и бывалые. Это были рыбаки, недавно уставшие от морской качки, немного передохнувшие в Ленинграде для того, чтобы вернуться и снова уйти в путину за палтусом или сайдой в Баренцевом незамерзающем море. Деньги им платили хорошие. За станком столько не заработаешь. Были ответственные работники разных отраслей народного хозяйства. Почти все поголовно одетые в униформу: полувоенный френч из отличного английского сукна и белые высокие унты, похожие на валенки. Эти в большинстве своём были начальниками или снабженцами. Представителями добывающих отраслей. Пушнина, рыба, никель, медь, апатиты – в Заполярье всё это и не только это добывалось в огромном количестве. Френч и унты им нужны были для того, чтобы окружающие знали: «Вон, идёт Ефим Ефимович, он большой начальник. С ним надо дружить или держаться подальше. Спорить? Противоречить? – Ни в коем...! Или будут неприятности. У него «ого-го» какие знакомые на самом «ого-го» каком верху и лучше с этим в белых валенках не связываться вообще...».

Значительную часть пассажиров «Мурманского – скорого» составляли военные моряки, возвращающиеся к месту прохождения службы в разбросанные по всему побережью Кольского залива военно-морские базы. Чёрная с золотом военно-морская форма превалировала над редкими вкраплениями цвета хаки формы с синими кубиками на воротниках. Последние представляли тех, кто охранял. Но не ценности, а, наоборот, никому теперь ненужную многомиллионную массу человеческих отбросов, чем-то провинившуюся перед самодовольно жирующей обнаглевшей от безнаказанности властью. Почти все из них собирались сойти с поезда в Беломорске или Кандалакше. Там было скопление трудовых лагерей. С каждым часом в вагоне-ресторане становилось шумнее из-за действия различных согревающих напитков. Облако дыма сгущалось, поглощая кислород, необходимый для дыхания. Рыбаки не мудрствовали и литрами употребляли «Московскую Особую». Разговаривая, они не вынимали изо рта папиросу Беломор, а только перемещали её из одного угла рта в другой: «... мы как раз ловили ярусом. Там палтуса обычно навалом и треска идёт косяками. Вдруг удар...! Корму развернуло и трос от снастей зацепился за штурвал... Никто ничего по началу не понял, только Васька вцепился в поручни и орёт: п-о-л-у-н-д-р-а-а. Шхуна наклонилась аж под сорок пять, а потом из воды касатка к-а-а-к выскочит и хвостом по борту... Боцмана чуть не зацепила, падла...» – жестикулировал и размахивал руками, пытаясь дать точную оценку размерам морского хищника, молодой и явно не такой уж и бывалый рыбак. Остальные ухмылялись и делали вид, что верят в небылицу. Молодой явно злился, завидя ухмылки собутыльников, и от злости краснел.

Те, кто в унтах, – те баловались коньячком «Отборный», презрительно посматривая в сторону рыбаков. Когда кто-то из них хотел закурить, то доставал из кармана портсигар. Вещь, подчёркивающую его социальное положение, часто отделанную поэтому красивым

орнаментом. Кнопочка-защёлка иногда обрамляла какой-нибудь полудрагоценный камень. Но особой гордостью хозяина ценной вещицы была, как правило, дарственная надпись, выгравированная на её створке: «За достижения в социалистическом строительстве в честь шестнадцатой годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. Секретарь Вятского горкома ВКПб тов. Нахимович И. И.» или «За помощь в раскрытии группы контрреволюционеров-заговорщиков. Начальник Ивановского Губернского ЧК тов. Усечённый П. О.». Здесь разговор шёл о делах серьёзных: «... прошлой неделе разнарядку спустили. Четыреста! Ты представляешь? Нет, Яков Борисович, и ещё раз нет! Не осилим, а, если и осилим, то что нам с этого толку-то? Так – одна морока. А потом ещё и разгон устроят, как водится – не того размера... Не той расцветки... Переведусь я на Дальний восток, от Москвы подальше. И тебе советую, пока кто-нибудь на тебя донос не состряпал. Да хоть тот же Жмурянский! Он ещё тот фрукт! Улыбается, а сам, наверняка, подписи собирает. В общем, я тебя предупредил...».

Моряки пили всё и в беспорядке, потому что спешили. Уже послезавтра снова начнётся служба. Тогда прощайте ржанные, пшенично-спиртовые и виноградные эликсиры счастья, превращающие в период отпусков и по выходным трезвую и опасную жизнь морских волков в спокойное плавание с любимой по тихой заводи. Разговоры моряков, совершенно справедливо считающих себя элитой вооружённых сил, к этому, в основном, и сводились: «... да, у них вооружение стоит, как на наших в начале века в японскую. Им в море высовываться не стоит. Их подлодкой взять или с воздуха – как два пальца... Давайте за товарища Сталина выпьем! Он знает, что делает. Только он один и понимает по настоящему, что такое флот для нашей страны. Да здравствует товарищ Сталин!...» – офицеры как один встали с поднятыми стаканами и дружно выпили за усатого гения и отца народов.

Гриша не принадлежал ни к одной из социальных прослоек, пирующих в вагоне-ресторане. Разговаривать ему было не с кем и не о чем. Он заказал на первое солянку, а на второе шницель с гарниром. Всё это он запил двумя кружками немножечко с кислинкой Жигулёвского пива ленинградского розлива. После чего отправился в свой вагон, чтобы поспать. Поспать Грише не удалось, потому что в купе он был не один. Двое его соседей «отдыхали» за разговором, запивая сказанное «Кизляром» – великолепным грузинским коньяком с дагестанским названием. Не так давно этот коньяк занял своё место на прилавках винно-водочных магазинов. Появление Григория собеседников не смутило. Их разговор продолжался, как ни в чём ни бывало. Терминология разговаривающих была необычной. Многих слов Григорий просто не знал или не понимал, поэтому содержание сказанного плавало вокруг головы, а вовнутрь неё не проникало. Наконец, смысл того о чём разговаривали его соседи начал проясняться. Оба были из бывших зэков, судя по всему – из воровского сословия. Разговаривали они на привычной им фене о делах повседневных и для чужого уха абсолютно не интересных. Они вспоминали былое и размышляли о будущем. А потом пригласили Гришу с ними выпить за компанию и ради природного воровского любопытства. Для того, чтобы Григорий понял о чём речь, они перешли на русский. Старшего из соседей его собеседник называл Лазарем, а тот, в свою очередь, обращался к молодому не иначе как Шама.

– Отличная феня. Я ничего не понял, хотя звучит убедительно, – сказал Гриша, присев поближе к откидному столику, на котором стояла выпивка. – Я сначала подумал, что вы на идише разговариваете. У меня в доме в соседней квартире евреи живут. Так я наслушался. Очень похоже на слух... – и пригубил грузинского.

Потом он рассказывал соседям про цыган и его дружбу с ними. Про дочерей и немного о работе, но в пределах, отдалённых от его сегодняшнего дела. Соседи в ответ охотно рассказывали лагерные байки и звали его на «дело». Немного охмелевший Гриша чуть было не согласился, но вовремя опомнился. Когда закончилась вторая бутылка коньяка, они легли каждый на свою полку и погрузились в тёплую реку сновидений.

Утром следующего дня поезд сделал пятиминутную остановку в Вологде, где нашего героя встречали.

– Ты, что ли, Григорием будешь? – вплотную к Гришке подошёл немолодой цыган. – На цыгана ты не больно-то и похож, прямо скажем. Хотя нет! – Что-то в тебе от наших кровей замешано. Бахо говорил, что до девок ты больно горяч. К цыганкам из моего табора не подходи, убью! Здесь не Ленинград. Не я, так кто другой из наших тебя уроет! – по выражению лица старого цыгана было видно, что он не шутит. Гришка насупился и хотел ответить резко, но в последний момент передумал и промолчал. Цыган выдержал паузу и потом продолжил: – Говори, зачем приехал. Мы тебя послушаем, а потом всё вместе и обдумаем. Не стал бы Бахо посылать к нам тебя по пустякам.

Прямо с вокзала они поехали на продуктовое хранилище, откуда производилось списание мяса. Дальше проходной Григорий не пошёл. Точнее, один из сопровождающих его цыган по имени Лёня сказал, чтобы он не ходил и ждал у проходной с деньгами наготове. А дальше всё пошло наперекосяк. Неизвестно откуда взявшийся начальник охраны потребовал, чтобы они «очистили» территорию около проходной. Затем вышел Лёня и сказал, что «там» этот ворюга – завбазой оборзел и запросил сумму, почти как за свежее мясо третьего сорта. Говорит, что у него и без нас есть, куда списанную тухлятину деть. За меньшее он рисковать не хотел. Дело-то подсудное! Но в этом случае вся затея становилась бессмысленной. Оставался вариант простой и проверенный цыганским сообществом неоднократно. Украсть! Начальник охраны всё ещё маячил поблизости. Было достаточно холодно, и он согласился на выпить по сто пятьдесят без единого вопроса и даже намёка на подозрение в подвохе. Кто ж зимой и в такой холод обманывает? Потом цыгане увезли его в табор отдохнуть, а Лёня с Григорием отправились на железнодорожную станцию «Вологда – товарная» договариваться о двух вагонах под загрузку на Ленинград. Договорились быстро. Подписей под договором не ставили, а денег не жалели. Вагоны отогнали в тупик, чтобы не привлекать внимания во время погрузки. Проблему «правильных» накладных на мясо говядины второго сорта цыгане решили, как всегда, гениально просто. Они изготовили фальшивые, но первого сорта качества, на бланках накладных «Зари Коммунизма». По документам получалось, что два вагона с грузом продовольствия из Котласа следуют транзитом через Вологду в Ленинград. Оставалось только не попасться во время вывоза товара с базы подводами на гужевой тяге. Чтобы этого не произошло, надо было отвлечь определённую часть личного состава вологодской милиции. В тот же вечер зазвонил телефон дежурного городского управления милиции. Приглушённый с оттенком нервозности голос проговорил в трубку: «Завтра будет нападение сразу на три сберкассы в городе, на какие – я не знаю. Предупредите ваших...». В трубке раздались короткие гудки.

Убедившись через своих людей в том, что там отреагировали правильно, как и ожидалось, все задействованные в «операции» цыгане поспешили на базу, в то время, как личный состав вологодской милиции сосредоточился на городских сберкассах. Теперь нужно было «нейтрализовать» двух сторожей, вооружённых кое-как. Это оказалось нетрудно. Был мороз. Соответственно, один и второй сторож были немного «вдетыми», чтобы не замёрзнуть и для пущей зоркости глаза. Мимо проходной шёл случайный человек. Он неожиданно остановился и попросил огоньку. Разговорились..., прохожий оказался добрейшей души человеком, и предложил сторожу – герою гражданской, немного скрасить службу. От хорошего самогона кто ж откажется!? Тем более, что охранять-то нечего, если по слухам всё давно уже списали, как протухшее и негодное: «Так, для проформы стоим тут с Агафонычем с ружьишками, чтобы воробьев отгонять...».

В самогоне оказалось совсем немного снотворного. После этого в назначенное время двадцать подвод подъехали к базе и приступили к планомерному вывозу говядины. Важно было не повредить замки и двери в хранилище, чтобы мысль о насильственном похищении

не смогла прийти в голову никому. Пусть завбазы сам отдувается, если захочет заяву в милицию накатать. Мясо вывезли, но не прямо на товарную станцию, а сначала в табор, расположившийся сразу за восточной оконечностью города. Товару надо было «отлежаться» дней пять не меньше, и только потом – на погрузку на железнодорожную станцию, где в тупичке ждали вагоны. Через два часа всё было кончено. Мясо было вчистую списано по сроку годности. Его просто не стало. Его номинальная стоимость составляла ноль рублей и столько же копеек. Искать ценности, не имеющие никакой ценности или заявлять в милицию о пропаже этих ценностей не имело смысла. Это хорошо осознавали заведующий продуктовой базы и начальник охраны, к обеду следующего дня вернувшийся из табора.

«Заявишь – сам себя во вредители и запишешь. А дальше всё по сценарию с конечным пунктом назначения – Беломорский канал!..» – подумал расстроенный от упущенной возможности улучшить своё материальное положение, заведующий. От греха подальше был немедленно составлен соответствующий акт о списании с последующим уничтожением, как оно и должно было быть по правильному. Мясо в этот раз исчезло также и формально. А через две недели кооператор – заготовитель Григорий Козлов отчитывался в кабинете у председателя о проделанной работе. За вычетом всех расходов на оплату долевого участия цыганской общины г. Вологда и доставку товара в Ленинград, сумма составила девяносто пять тысяч советских рублей при максимальной на то время зарплате промышленного рабочего – сто семьдесят рублей в месяц!

7

Андрей Владимирович уже давно потерял счёт времени в разлуке с любимыми. Жизнь в спокойной и сытой Дании была размеренной и ленивой. Копенгаген немного напоминал Петербург своими каналами и набережными. Примерно через год после того, как ему удалось покинуть гроыхающую катаклизмами Россию, о чём он не пожалел ни разу, он был представлен на одном из собраний ещё достаточно молодой женщине. Её звали Екатерина Александровна Дроздова. Ей удалось внести разнообразие в его холостяцкую жизнь. Время от времени Екатерине Александровне удавалось увлечь его то на природу, то в гости или в театр. Очень скоро их отношения переросли из дружеских в романтические. По прошествии полугода Андрей Владимирович, не потерявший в свои неполные пятьдесят мужской привлекательности, силы и обаяния, сделал Кате предложение. Она приняла это предложение и согласилась стать его женой. Обычно первую половину дня, часов до трёх, Андрей Владимирович проводил в Копенгагенском Королевском Университете. Там он состоял доцентом на кафедре естествознания. Устроиться на эту должность ему позволили его бывшие заслуги в развитии естественных наук, множество научных статей, монографий и рефератов, написанных им ещё в довоенное время, когда он состоял в Российском Географическом обществе. В определённых кругах его имя было известным и уважаемым. Дохода, который приносило преподавание географии на младших курсах университета, было достаточно для безбедной жизни холостяка. И даже – теперь женатого мужчины. Это, конечно, радовало, но беспокойство не проходило:

«Что там с моими девчонками? Интересно, где они сейчас? Здоровы ли?.. Вот ведь жизнь – ни самому не узнать, ни весточки не подать о себе... – мысли об оставленных им в захваченном большевиками Петрограде дочерях не давали ему покоя ни днём, ни ночью. От этого по ночам иногда болело сердце. Он без конца упрекал себя за то, что не смог найти правильных слов и уговорить упрямых девчонок ехать с ним. – Надо же было так запутать головы несмышлёнышей, что они поверили в этот бред про всякое всемирное равенство и братство, счастливое будущее и что там у них ещё? А... – справедливость! Ну, и где теперь эта справедливость? К какому равенству она их привела? С кем уравнила?.. С быдлом кровавым, бандитами каторжными?».

Из завезенных из России слухов он знал, что девочки покинули бывшую столицу. Куда они могли направиться, Андрей Владимирович не имел ни малейшего представления. Только догадки. Надежды, что революция захлебнётся в собственной крови, как это неоднократно случалось в истории европейских стран и не только европейских, уже почти не осталось. Большевики взялись за дело с такой яростью и неумолимой жестокостью, с такой настойчивостью искореняли всё старое, что сомнения на этот счёт таяли с каждым днём.

«Всё равно, когда-нибудь это всё закончится и я их, конечно, разыщу. Я обязательно их разыщу!..» – давал себе слово Андрей Владимирович. И это его немного успокаивало.

Он не состоял ни в каких организациях. Монархисты?.. Этих он списал в прошлое безвозвратно, отчётливо осознавая их никчемность и бесполезность для будущей России. Брызжущие идеями разномастные социал-демократы его тоже раздражали своей вздорностью мышления и отсутствием хоть какой-то реальной программы. Получалось что действительно кроме большевиков в сегодняшней России не было силы, способной справиться со стихией, разыгравшейся на её необъятных просторах. Думать об этом и признавать это было ужасно, но бороться?.. Нет! – Бороться он не будет. И в сообщества борцов вступать тоже не будет. А тогда что? Искать пути к возвращению? Но это, как приговор: «Не успеешь обнять девчонок, а тебя под белы ручки и в ЧК. Или как у них теперь эта контора называется? А там рёбра переломают, сделают шпионом и в лагерь. Но в лагерь – это, если повезёт. Не

повезут они меня в лагерь. Для них проще – к стенке... В мои шестьдесят какой из меня строитель социализма с кайлом в руках? Правильно – никакой! Да и девчонкам наврежу не дай бог. И так, наверное, замуж повыходили, фамилии поменяли, чтобы затеряться среди «широких масс» трудящихся». О происходящем в Советском Союзе он был хорошо информирован и иллюзий на этот счёт не имел.

В мыслях Андрей Владимирович часто возвращался в то время, когда он, ещё молодой исследователь, много путешествовал с разными экспедициями по бескрайней России. Он исколесил её вдоль и поперёк. Наблюдательный от рождения и преумноживший это качество благодаря выбранной профессии географического исследователя, он старался разобраться и понять причины благополучия и процветания в одной части огромного государства, сопоставляя их с бедственным положением целых губерний в соседних краях. Конечно, не всем и не везде жилось одинаково. Природа вносила коррективы, выжигая засухой сотни километров вокруг или, наоборот, заливая посевы непрекращающимися проливными дождями. Как правило, доля потерь, вызванных разгулявшейся стихией, не превышала разумных, заранее предусмотренных и просчитанных рачительными хозяевами. Одарённый природной смекалкой русский мужик во вред себе хозяйствовать не станет. И сажать лён там, где гречиха процветает, не будет! И запасами себя обеспечит, чтобы было чем питаться сегодня и чем землю в следующем году засеивать. А если вдруг королева полей, пшеница, почему-то не уродилась в этом году, то уж засеянная на всякий случай рядышком рожь обязательно даст превосходный урожай. Оттого и кормила Россия Европу тем, что сама съесть не могла. Осмысленный веками опыт российского крестьянства распространялся по огромной стране и делал эту страну богатой и независимой от иностранных производителей всякого человеческого питания.

Потом пришли люди новые, в хозяйстве не понимающие. Они вознамерились доказать всему миру, что вооружённый могучей марксистской идеей всеобщего равенства крестьянский пролетарий произведёт продуктов больше, чем заинтересованный в самом себе хозяин старого образца, этой идеей не обеспеченный. Новые люди ошиблись. Но вопреки здравому смыслу, ошибку исправлять не стали. Они попытались силой оружия приравнять хозяина к бездельнику, отобрав у первого и передав отобранное в руки второму. Так они совершили ещё одну ошибку. Так же как и в первый раз, виноватыми они считали не себя и последовательно перешли к совершению третьей ошибки – трагичной и жестокой. Они стали уничтожать хозяина земли, уничтожая одновременно саму крестьянскую сущность духа российского и славу его под корень. На очищенной земле остались идейные бездельники и говорливые неумехи.

– Неужели они сами не понимают, что делают? Это ж чёрт знает что такое! – содрогаюсь от только что прочитанного в свежих газетах обзора новостей, воскликнул Андрей Владимирович. В разделе «Большевистская Россия» писали о начавшейся коллективизации и последовавших за ней расстрелах части зажиточной крестьянской массы, прозванной большевиками «кулаками». Тех, кого не расстреляли, тех подвели под программу переселения в северные земли, где они должны будут вспахивать вечную мерзлоту и с неё питаться. Экспроприация их имущества и земельных угодий называлась «раскулачиванием».

– Ещё немного, и большевики начнут продавать вторую половину коллекции Эрмитажа, чтобы от голода не окочуриться.

Откликнувшись на возмущённый возглас мужа, в кабинет вошла его жена – Екатерина Александровна.

– Андрюшенька, чем ты опять так взволновался? Что ещё наши большевички натворили? Наверное, бесплатных жён раздают ударникам социалистического труда, а тебе и завидно? – чувство юмора супруги немолодого доцента поддерживало обоих в тонусе. Напряжение от прочитанного само собой начало потихонечку спадать.

«Может быть, они просто не понимают того, что делают? А что, если им написать письмо? Изложить всё с научной точки зрения, отбросив политику. Ведь не хотят же они сдохнуть от голода только потому, что хлеб с картошкой не состоят в партии большевиков и по этой причине их можно не выращивать?», – неожиданная мысль насчёт письма улучшила настроение и, вдохновлённый этой идеей, Андрей Владимирович предложил жене пройтись по набережной и выпить кофе в одной из чудесных Копенгагенских кафешек.

Не откладывая на потом, работа над письмом большевикам началась уже назавтра. Из письма следовало, что применяемые в развитых странах методы сельскохозяйственного производства совершенно не подходят для аграрной России. Стремиться к внедрению этих методов насильственным путём сегодняшнего бедственного положения в сельском хозяйстве не изменит. Лучшим вариантом, по мнению Андрея Владимировича, был возврат к вековому опыту и т. п. Когда письмо было готово, он сам лично отнёс его в Советское представительство. Ответ из Наркомата земледелия СССР пришёл неожиданно быстро. В письме за подписью народного комиссара земледелия товарища Яковлева Якова Аркадьевича выражалась благодарность Андрею Владимировичу за проявленное беспокойство о состоянии дел в сельском хозяйстве СССР и предлагалось посетить Советский Союз лично для продолжения обсуждения поднятой им проблемы. С уважением и т. п., число, подпись.

Впервые за много лет вдруг он почувствовал себя кому-то нужным, Катя не в счёт, и, разволновавшись до сильного сердцебиения, он начал собираться, даже не задумавшись о возможных последствиях. Через неделю, основательно подготовившись по сельскохозяйственному вопросу, Андрей Владимирович составил список подарков на случай, если ему удастся повидаться с дочерьми. Екатерина Александровна сделала всё, чтобы его отговорить, но, убедившись в бесполезности этой затеи, помогла собрать чемодан. В назначенный день они отправились в порт, откуда собирался отойти небольшой пароход, направляющийся в Ленинград с грузом запасных частей для паровозов и тракторов. Из Ленинграда он должен будет добраться до Москвы поездом. Не успев отъехать далеко от дома, Андрей Владимирович вспомнил о забытой на столе тетради со сделанными ещё вчера записями тезисов предстоящего серьёзного разговора с комиссаром Яковлевым. Он попросил остановить машину и быстрым шагом направился обратно к дому. Жена осталась в машине. Через пятнадцать минут он всё ещё не вернулся. Екатерина Александровна вдруг занервничала. Она вышла из машины и с замирающим сердцем направилась вслед за мужем. Андрей Владимирович лежал на пороге квартиры, сжимая в руке свёрнутую в трубочку тетрадь. Приехавший через десять минут доктор, констатировал смерть от инфаркта. Вероятно, на нервной почве и от преклонным возрастом изношенного сердца.

8

Шли годы, дети подрастали. Гале было семнадцать, когда она сообщила матери, что, как только ей исполнится восемнадцать, она тут же выйдет замуж. За кого – пока не скажет, но скоро с мамой познакомит обязательно при первой возможности. Как позже оказалось, мужем Гали стал молодой, подающий большие надежды оперуполномоченный НКВД. Революция продолжала своё грязное дело, бросая в объятья работников ордена карающего меча дочерей погубленных этим мечом лучших представителей своего народа. Свадьбу играли по партийно-нквдэшному. С портретами усатого, знамёнами и лозунгами типа: «Советская семья – ячейка коммунистического общества!», «Молодожёны – пример для подражания советского подрастающего поколения», «Поставим заслон разврату на рабочем месте!», «Безбрачие – причина венерических болезней!». Пили не много, «горько-горько» не орали. Но произнесли дежурные тосты за грядущую победу коммунизма. За того же усатого и его здоровье, за доблестный комиссариат внутренних дел и прочую нечисть. Нина плакала, но гости думали, что от счастья. Григорий скрипел зубами, но улыбался. Ближе к концу свадьбы новоиспечённый молодожён, до этого отчаянно молчавший, но внимательно слушавший других, решился на то чтобы произнести тост:

– Товарищи родственники и сослуживцы! Попрошу внимания! Вы сегодня все тут произнесли много правильных слов и речей. Особенно товарищ Васильченко хорошо сказал про гадов, недобитых товарищем Сталиным. Я этот тост горячо поддерживаю полностью. Но от себя, в частности, хочу добавить, что и мы с Галкой будем душить гадов по партийному и по комсомольски! Уж поверьте мне – ещё как будем! – душитель свёл кисти рук вместе и согнул пальцы так, чтобы было понятно, как он будет разбираться с гадами. – Я лично обещаю товарищу Сталину, что вот этими самыми руками буду их уничтожать. Только потом я смогу обнимать ими горячо любимую жену Галину...

Закончив речь, молодожён оглядел застолье. Убедился в лояльности собравшихся по отношению к высказанному. Потом выпил.

В общем, свадьба удалась.

Дела у Григория шли в гору. Правильно выбранная схема в задействовании цыганской общины работала бесперебойно. Денежный ручеёк постепенно превращался в речку. Жизнь приобретала радужную окраску. «Трёхзвёздный» коньяк сменил этикетку на «Отборный». Амбиции возрастали с каждым днём. Ключевая фигура в цыганской общине – Барон (уже известный нам по вологодской «операции» Бахтало) – снисходительно смотрел на ухаживания Гришки за своей красавицей дочерью, носящей имя воспетой великими Кармен. Почти всё, что он зарабатывал, используя цыган, к цыганам же и возвращалось в лице Кармен, задаренной им сверх всякой меры. На фоне безумствующего от страсти Гришки, положение в его семье выглядело ужасающим. Денег не хватало ни на одежду детям, ни на еду. Нина вечерами работала в Эрмитаже уборщицей только для того, чтобы хоть как-то существовать. Остатки ювелирных изделий, доставшихся ей от отца более двадцати лет назад, муж насильно экспроприировал в пользу всё той же Кармен. Нине ничего другого не оставалось, как просто ждать, когда утихнет эта дьявольская страсть. Шёл 1941 год.

Григория призвали в августе и сразу же отправили на фронт. Прощание в семье было недолгим. Зато долгими были проводы у цыган. Проводы и слёзы, слёзы...! Плакал весь табор. Дочь Барона Кармен была «убита» предстоящей разлукой. Она уговаривала отца сегодня же в ночь сняться и всем табором уйти в Вологду, забрав Гришку с собой:

– Если ты этого не сделаешь, – твердила она, зарёванная, – я уйду на фронт с ним, и ты меня больше не увидишь никогда.

– Прекрати истерику! Не он один идёт. Сейчас все идут и мы тоже пойдём, когда наступит наша очередь. А женщины наши будут молиться и ждать. Так всегда было и так всегда будет! – ответил отец цыганки. – Ты тоже останешься и будешь ждать! И это моё последнее слово. Иди прощайся!

Дьявольская страсть, поглотившая Григория и разрушившая его семью, не утихла. Напрасно Нина надеялась и ждала. Она покинула Гришу вместе с отлетевшей в первом же бою душой, израненной этой всепоглащающей страстью. Григорий Козлов погиб в августе сорок первого под Малой Вишерой и был похоронен в братской могиле. Его возлюбленная Кармен приняла известие о его гибели спокойно. Люди из Табора говорили, что она знала день и час его гибели заранее. На то она и была цыганкой, предсказывающей будущее. Она перестала разговаривать с людьми, в том числе и с отцом. Перестала реагировать на происходящее, перестала есть. Она умерла от истощения в Ленинграде незадолго до того, как началась блокада. Чёрного мрамора памятник Кармен стоит сразу при входе на староохтинское кладбище.

После похоронки Нина решила покинуть Ленинград, но состав смог отъехать совсем недалеко. Начали падать бомбы. Поезд остановился и дальше не поехал. Те, кто уцелели, вернулись в Ленинград. Козловы уцелели и тоже вернулись. Начиналась голодная блокадная жизнь. Как ни странно, но именно те, кто сделал жизнь Нины ничтожной и жалкой, я имею в виду всех, имеющих отношение к карающим органам советской власти, они же и помогли выжить в жуткие времена блокады. Муж дочери Галины – старший оперуполномоченный НКВД Сергей Павлович Виллов – всю блокаду «прослужил» в Ленинграде. С успехом «душил» и обезвреживал «врагов народа», среди которых иногда попадались и настоящие враги. Малой части его пайка хватило на то, чтобы выжило многочисленное семейство Козловых.

9

Блокада застала младших сестёр в возрасте, когда внешние обстоятельства формируют обречение к полученному по наследству характеру, а сам характер каким либо изменениям уже неподвластен. Он уже есть и навсегда таким и останется! Четырнадцатилетняя девочка-подросток Лариса – яркое тому подтверждение. Неуступчивая в споре, непримиримая в борьбе за то, что считала своим, она переживала голодные времена тяжелее всех. Она постоянно подозревала сестёр, мать и маленького брата в посягательстве на её корочку хлеба или её кусочек сахара. Устраивая тайнички по всей квартире по принципу лучшей сохранности яиц в разных корзинах, Лариса тратила своё свободное время на плановую и внеплановую инспекции каждого из тайничков. Она это делала многократно в течение дня. После чего, обуреваемая подозрениями, устраивала допросы среди близких ей людей, обвиняя всех и каждого. Нина смотрела на гадкие проделки дочери с отвращением, пытаясь понять, как у неё могла родиться такая дочь и почему: «Ведь Гришка – отец Лариски, хоть и был балбес редкостный, всегда и всех любил. Всем доверял. Даже цыганам своим, на которых «пробы ставить не куда». А эта ну просто исчадие чёртовское какое-то. От жадности на жабу похожее. Ведь создатель поглядит-поглядит, да и, прости меня, господи, накажет. Ой, что я говорю!» – сама испугалась своих мыслей Нина.

– Ларочка, что ж ты всё время к Юре пристаёшь? Не брал он твоего, никто не брал! Когда ты, наконец, угомонишься?! Пошла бы лучше в соседний двор, там дом вчера разбомбил. Поищи, чем вечером печку растапливать будем. Заодно к тётке Насте зайди, она мыла обещала дать... – подобными словами Нина пыталась хоть как-то отвлечь распоясавшуюся дочь и умерить её пыл. Но всё было бесполезно. Лариска изводила всех, доводя свои претензии по очереди к каждой из сестёр и маленькому братишке до полного абсурда. С наступлением сильных морозов стало ещё тяжелее и напряжённей. Однажды Нина застала Лариску со шваброй в руках, размахивающей этой шваброй перед плачущим братом и пытавшейся его защитить Маришкой.

«А вот это уж точно Гришкины замашки – всё через кулаки решать. Как будто кроме кулачной другой правды нет, – сразу подумала Нина, вспомнив с грустью хоть и неверного, но такого родного и любимого, недавно погибшего на фронте мужа. – Лишь бы Юрочка не в него пошёл, а то ведь собьётся с дороги и, глядишь, пропадёт, не дай боже».

Последнее время она заметила за собой, что всё чаще и чаще обращается к всевышнему то за советом, то за помощью. Но чаще всего с мольбой защитить её детей от болезней, голода, ненависти. Последнего она боялась больше всего: «Надо в церковь сходить – давно не была. Свечку за упокой Гришеньке поставить бы... Маришку с Юрочкой причастить опять-таки надо тоже. В прошлый раз Тамару с Ларочкой причастила, так, вроде, Ларочка поспокойней стала. Не так буйствует в последнее время. Лишь бы это у неё не от белены..., наелась тогда гадости всякой! А вдруг и вправду белена?... Или завёлся кто внутри неё? Демон какой-нибудь... Такое тоже бывает. Надо у батюшки спросить будет. Он знает! Завтра, наверное, и пойду...». Мысли путались. Голод давал себя знать и проявлялся не только в путанице мыслей. Он и был этой мыслью – единственной и непреодолимой!

В церковь Нина с дочерью Лариской завтра не попали. Прошла неделя, прежде чем на улице немного потеплело. Только тогда они потихонечку потопали в Спасо Преображенский собор. Встретивший их батюшка – отец Михаил – проникся сочувствием к девочке-подростку и увёл в соседнее помещение, чтобы поговорить с ней и понять, что же с ней на самом деле происходит. Через небольшой промежуток времени они вышли вдвоём. Отец Михаил поведал Нине о своих сомнениях и умозаключениях по поводу поведения Лариски:

«Отец Василий, который бесов изгонять не раз сподабливался, он не дожил до сегодня. От голода и слабости, царствие ему небесное, помер в прошлом месяце. А умением своим и знаниями, хоть и поделился, но не вполне, чтобы я смог это сделать самостоятельно. Не возьмусь я за это. Да, и сил у меня не хватит, чтобы демона пересилить. Вот что я скажу тебе, милая... Не хорошо внутри головы у твоей дочери. Во всём теле не хорошо. Демон, похоже, в ней прячется. Из Данталианова демонского племени. Сам он не то чтобы страшный очень, но дочь твою на поступки злые подговаривает и толкает. Будет слушаться его, так он навсегда с ней и останется, чтобы вместе жизнь окружающим портить. А не будет, так ему досадно станет и он притихнет... Или уйдёт в другое тело. Иди, раба божья, надейся на господи и верь!.. А ты, отрочица, слушай матушку свою! Идите с богом!».

О том, что сказал ей отец Михаил, Нина решила никому не рассказывать: «Пусть лучше думают, что в Ларискином поведении белена виновата. А то засмеют. Ведь ни в бога и ни в чёрта молодёжь нынче не верит. Скажут – сама, похоже, из той же тарелки травки «волшебной» поела, что такую чушь городит. Наверное, правильно батюшка сказал. Утихнет в ней это со временем. Просто надо обождать... Обождать...».

10

От январских морозов сорок второго досталось всем. И немцам, и нашим! Но больше всех – жителям Ленинграда. Распухшего от голода шестнадцатилетнего Колю на санках везла в аэропорт Ржевка его сестра Аня. Она работала на Балтийском заводе и именно поэтому сохранила силы на этот марафонский переход от самого острова Голодай, что при-мыкает к Васильевскому в его северо-западной части. Потому что на Балтийском был спец-паёк! Поэтому и силы. Тащить санки в тридцатиградусный мороз даже пять километров – подвиг! А тут все пятнадцать, если не больше. Но она – маленькая и щупленькая – должна была это сделать. Потому что Коля – это было всё что у неё осталось после того, как бук-вально три дня назад ей пришлось везти на Смоленское кладбище эти же санки, но с безды-ханным телом матери. Отца Аня отвезла туда же ещё раньше. За два дня до этого. А ещё раньше на этих санках в своё последнее путешествие отправился дед Анны и Николая – Степан. Он ушёл из жизни по своей воле в девяностолетнем возрасте, подарив тем самым своим близким ещё несколько дней. Получив в начале месяца продуктовую карточку на сто двадцать пять ежедневных грамм хлеба, он мог бы её потом отоваривать целые тридцать дней, или тридцать один! Покончив счёты с жизнью во второй день декабря сорок первого, Степан отдал свои блокадные граммы внукам. Они выжили!

Встречный ветер резко менял направление на противоположное. В такие моменты идти становилось легче. Дышать же становилось труднее с каждым шагом. Обмотанное шарфом лицо превратилось в множество льдинок, обжигающих его вокруг рта и замёрз-шего носа. Льдинок от выдыхаемого воздуха становилось всё больше и больше. Очень надо было добавить ходу, но силы уже оставили её. Вдруг рядом с ней неожиданно затормозила полуторка. Хриплый голос, показавшийся ей ангельским, прокричал, пересиливая завыва-ния ветра:

– Если на Ржевку, могу подбросить, – из кабины высунулось небритое лицо шофёра с выражением напряжённого ожидания в глазах.

– На Ржевку! – выдохнуло из себя с виду непонятного пола промёрзшее со всех сто-рон существо, лишь отдалённо напоминающее Аню. Несоответствующие её тридцать тре-тьему размеру стопы валенки, облепленные снегом, как два маленьких сугробика сделали последний шаг. Потом она провалилась в яркий тёплый мир, наполненный запахами и цве-тами... Когда она вернулась в холод, самолёт уже запустил винты. Попрощаться им не уда-лось. Этот самолёт увёз на своём борту будущих курсантов морской спецшколы, располо-жившейся в Новосибирске. Среди курсантов находился спасённый ею брат. Не пройдёт и семи лет, как уже повзрослевшая, но пока всё ещё маленькая Маришка, встретит выпускника Новосибирской спецшколы Колю Сафронова на танцевальной площадке военно-морского училища имени М. Фрунзе.

Семья новгородских крестьян Сафроновых из на триста домов деревни Вдицко берёт своё начало со времён Новгородского Вече. Как когда-то и кем-то было уложено в правило, Михаил Сафронов, произведя на свет первенца, называл его Степаном. Тот, в свою очередь, своего называл Михаилом. И так веками, пока в 1923 году Михаил Сафронов не нарушил правило, назвав своего первого сына не Степаном, а Василием! В отказе от вековых тради-ций, скорее всего, были виноваты революционные ветра перемен, мракобесия, безбожия и всеобщего безобразия. Но что сделано, то сделано. Возможно, именно это событие поло-жило конец благополучию семьи.

Отец Михаила – Степан был умен и удачлив. Удача сопровождала его всю жизнь, лишь однажды отказав в своём покровительстве. Дело было лет за пять до начала русско-турецкой войны. Степан тянул жребий и удача на мгновение отвернулась от него, подарив счастли-

вый выбор молодому парню из той же деревни. Степана забрали в солдаты на долгие десять лет. Он прошёл всю войну, дважды был ранен. Дважды геройски отличился и вскоре после победного завершения войны вернулся в родную деревню. Завёл семью и начал приростать добром. Жена была намного моложе его, потому что ровесницы и девки чуть помоложе давно уже имели семьи и по кучке детишек. Вот он и взял совсем молодую. В деревне по этому поводу судачили: «Зря он Надьку взял. Сживёт она его. «Приспит» в один прекрасный день, и заказывай поминки. Она, глянь, кровь с молоком, а Стёпка уже войнами потрёпанный да полонёнными девками потраченный. Нет! – Неправильно он сделал. Лучше бы вдовую Клавдию за себя позвал. Сын у неё уже почти взрослый. Был бы помощник в хозяйстве!».

Но всего этого не произошло. С Надеждой Степан произвёл потомство и был счастлив. Дом Степана возвышался над домами родных и двоюродных братьев, но он своим достатком не кичился. Если его просили о помощи, то делился с соседями охотно и без сожаления. В деревне его уважали. Ворвавшиеся смертельным вихрем в жизнь деревни красные бойцы, старого солдата не тронули. Ему, одному из немногих, удалось избежать раскулачивания и спасти семью в самое страшное время для российского крестьянства – время коллективизации. Он же первым на деревне понял, что колхоз приведёт деревню к гибели и, просчитав всё до мелочей, получил разрешение от властей на открытие в деревне продуктового магазина – Сельмага. Проработав несколько лет, он передал директорскую печать своему старшему сыну Михаилу, согласовав по инстанциям всё, что необходимо было согласовать. Отличная характеристика на Михаила Степановича Сафронова 1895 года рождения стоила Стёпе поросёнка, а справка о законченных курсах сельских товароведов – ещё одного поросёнка и здорового индюка с ярко красным гребнем и жёлто-зелёно-красной «бородкой». Сам Степан от дел отошёл по причине преклонного возраста. Он справедливо, но опрометчиво полагал, что тот справится. Михаил бы и справился, наверное, если бы не Зинка из Чудовского райпотребсоюза.

Они познакомились в один из приездов Михаила в Чудово по делам. Надо было заказать продукты в ассортименте на целый квартал вперёд, кое что из галантереи и хозяйственной мелочёвки. В кабинете товароведа, к которому был «прикреплён» деревенский сельмаг, товароведа не оказалось. Он недавно уволился или был за что-то уволен. Может быть в ОГПУ забрали. Тогда каждого третьего забирали. За его столом сидела, – Нет! – Восседала... У Миши захватило дух. На какое – то время он лишился возможности произносить вразумительное. Когда дар речи к нему вернулся, он понял, что с ним прямо сейчас две минуты назад что-то произошло. Что это? – он понять поначалу не мог, потому что вот так влюбился впервые в своей жизни! Это его сначала изрядно озадачило. Поскольку женившись в двадцать с небольшим и дожив до сорокалетнего возраста, Миша так до сих пор и не узнал, что такое любить. Ему казалось, что он любит свою жену. На самом деле, его чувства к Евдокии назывались иначе. Это была привязанность, привычка, чувство благодарности за рождённых детей. Что угодно, но только не любовь. Оказалось, что любовь – это Зинаида! Так звали рыжеволосую с большим бюстом и крутыми бёдрами дочь председателя Чудовского райпотребсоюза имени большевика Б. Втыкалова. Увидев растерянность Михаила и вспыхнувший в его глазах огонёк страсти, Зинаида подумала: «А почему нет? Мужчина с виду крепкий, видный. Вон как глазища на меня таращит. Женат – неженат – мне какое дело. Эх, была – не была!».

«Эх, была – не была!», – подумал Миша и сообщил предмету своего обожания, вызвавшему у него только что кратковременное помутнение рассудка, и имени которого он ещё пока не выяснил, что готов ради него (предмета) абсолютно на всё. Вплоть до развода с собственной женой уже завтра. И началось. Поездки в Новгород, в Ленинград. Рестораны, прогулки, подарки. Зина оказалась страстной и настолько опытной в постели, что деревенскому мужику Михаилу всё это поначалу показалось сказкой. Ведь его Евдокия восприни-

мала близость с мужем исключительно как наказание, ниспосланное ей за какие-то грехи. Нет! – Когда они были молоды, она понимала что то, чего от неё каждую ночь требовал Миша, того же требовал и господь. Не зря же он указывал в писании, что надо плодиться и размножаться. Так это ж в молодости, а сейчас к ней с этим делом подбираться было всё труднее и труднее. А тут Зинка!!! Поездки «по делам» в район и область участились. Семья во главе с Евдокией взбудоражилась:

– А не скажешь ли, Мишенька, где это ты вчера опять задержался, что до дому забыл доехать? – ехидно и совсем не по доброму воспрошала мать троих Мишиных детей.

– Чего спрашиваешь, Дуся? Ты же знаешь, что по делам, – отвечал гуляка. При этом его лицо принимало мечтательное выражение, а модная и дорогая ткань «Бостон», из которой были сшиты его выходные брюки, начинала слегка топорщиться в определённом месте. Наверное, портной, засранец, чего-то в крое напутал.

– А не то ли это дело, с которым тебя на прошлой неделе жена агронома в Чудове застучала под ручку?.. Чего глаза-то воротишь свои подлюче-гулячие? Перед детьми бы хоть постыдился на старости лет к молодухам под юбку лазить! – продолжала выспрашивать жена. Брючная ткань «Бостон» при упоминании о Зинкиной юбке опять вздрогнула.

– Да что ж ты всё время городишь непотребное. Сказал по делам – значит по делам. И не под ручку вовсе, а за скрепками канцелярскими на склад ходили вместе с товароведом товарищем Зинаидой Васильевной!

Через два года образовалась недостача, которую пришлось покрывать Степану из личных сбережений. Ещё через год – опять! Михаил ничего не мог поделать с самим собой. Недостачу пришлось «гасить» опять тому же Степану! В третий раз покрывать было не чем. Зинка, зараза, разошлась не на шутку. Она «раскрутила» отца семейства Мишу на сумму, погасить которую не смогли бы и четыре Степана. На Мишу было жалко смотреть. Он потерял способность не только соображать, но и действовать тоже. А действовать было надо. Иначе тюрьма!

К описываемому времени семья Миши состояла из его жены Евдокии, старшего сына Васи, дочери Анны и ещё одного сына – Николая. Итого пятеро. Ещё сам Степан – итого шестеро! «Значит так, – просчитывал Степан, – кто у нас в Новгороде? Нет! – Новгород не подходит. Слишком близко! Тогда, кто у нас в Питере? (слово Ленинград всегда вызывало у старого солдата, приносившего присягу на верность двум императорам, смешанное чувства отвращения и гадливости. Другое дело – Питер!). А в Питере у нас есть двоюродный брат Дуси. Он работает то ли в исполкоме, то ли в каком-то совете. Пусть Мишка едет к нему и договаривается о двух комнатах. В одной все не поместимся. Я здесь пока насчёт паспортов подсуечусь. Авось, не дорого встанет. В любом случае, дом придётся продавать и быстро. Остальное решим позже».

Всё, что Степан Михайлович задумал в этот раз, опять получилось. Две комнаты на Голодае ждали, когда в них заселятся. Дом во Вдицко «купил» старший сын председателя колхоза в благодарность за паспорта. Из истории этого времени известно, что крестьяне в СССР иметь паспорт права не имели. Они, по существу, были крепостными. Так что «раздобыть» паспорт было делом непростым и подсудным. Дело оставалось за малым. Надо было избавляться от Сельмага, чтобы скрыть недостачу и её следы. Но как раз это было нетрудно. Семья уехала в Ленинград, оставив Михаила в деревне для завершения операции. Через неделю погорелец Миша присоединился к семье в их новом жилище. Он сообщил печальную новость, что кормивший их десять последних лет сельмаг внезапно сгорел. Многовековая история крестьянской семьи Сафроновых на этом и закончилась. Прощай деревня! Страница истории перевернулась, и началась новая жизнь. Городская!

В следующем году Анне исполнилось восемнадцать и школу она закончила уже в Ленинграде. Конечно, уровень преподавания в Ленинграде сильно отличался от Чудовского,

где Аня училась последние два года перед отъездом. Но она смогла это отличие как-то ликвидировать за счёт усидчивости и амбициозности, свойственной и ей, и её братьям. Теперь она была не деревенской скромной девушкой, предназначение которой состояло в удачном замужестве за колхозным комбайнёром и производстве детей. Теперь она была жительницей великого города. Поэтому в дипломе у неё красовались пятёрки. Только физика с геометрией «подкачали». Там были четвёрки. Но даже с такими отметками поступить в Горный институт на дневное отделение было непросто. Профессия геолога магнитом притягивала комсомольскую молодёжь, которая желала посвятить себя поискам богатств для своей родины. Попутно она хотела насытить собственную жизнь романтикой тайги, болот и горных массивов. Конкурс превышал двадцать человек на место! Аня не рвалась на дневное. И в тайгу она не собиралась. Она поступила на заочный, чтобы просто получить диплом. И чтобы учиться поближе к дому. Теперь надо было найти работу, чтобы было близко и к дому, и к институту. В её случае Балтийский завод был бы идеальным вариантом. Там её приняли в отделе кадров и предложили работу в заводской библиотеке вместо ушедшей в декрет библиотечарши. Она с энтузиазмом согласилась. В библиотеке она сразу оказалась на виду. Молодая, красивая, миниатюрная. Посыпались приглашения в театр, на выставку, в парк покататься на лодке, в ресторан. Какая уж тут учёба, если в ресторане ждут вина и закуски, прекрасный оркестр и возможность потанцевать с очередным кавалером. Потеря времени! Так что из института её отчислили уже через год. Работая в библиотеке, она не нашла своего счастья в многочисленной толпе поклонников. Слишком сложный у неё был характер. Капризный и заносчивый. Если не сказать вредный. И нетерпимый ко всему, что ей по какой-то причине не нравилось. Зато там её нашла и не отпустила до конца жизни любовь к поэзии. Она могла до глубокой старости наизусть читать Бодлера и Надсена, Блока и Тютчева. Любила Рембо, боготворила Есенина и терпеть не могла Маяковского. Читала вдохновенно! Аня и представить себе не могла, что поэзия заменит ей в жизни любовь, семью, детей и мужа. Характер у неё был действительно отвратительный, у неё просто не было шанса составить партию какому-нибудь инженеру или замначальника чего-нибудь. У неё не было шанса даже с охранником из ВОХРА! Когда пришла война, она вместе с остальными, не занятыми на основном производстве, ездила по утрам на Комендантский аэродром копать траншеи. Физическая работа на свежем воздухе, тяжёлая лопата и хорошее питание вернули урождённой крестьянке Анне Михайловне крестьянскую силу и выносливость. Это спасло её и брата Колю в самую страшную пору блокады. Пережить первую блокадную зиму из всей семьи смогли только они, после чего надолго расстались. Младший брат оказался в Новосибирске, а Аня вместе с Конструкторским Бюро завода отправилась в эвакуацию в Казань, где и прожила почти всю войну.

Был ещё один брат – Василий. Его следы потерялись в самом начале войны. Как и что – никаких подробностей никто не знает. Известно только, что перед войной Вася связался с голодайскими хулиганами и что-то вместе с ними натворил нехорошего. Он попал под следствие, потом суд и приговор. Во время этапа на юго-восток в самом начале войны, поезд попал под бомбёжку, и это последнее, что о нём известно. Наверное, предки Васи не простили его отцу нарушенной им вековой традиции и вместо него наказали сына. Он первым в семье ушёл из жизни. Почти на полгода раньше деда Степана с нею распрощавшись. А может быть всё не так. Он выжил. Только побоялся вернуться, чтобы опять не отправиться по этапу. Возможно, так оно и было!

11

Мысли о голоде не покидали Нину ни на минуту. К мыслям добавился страх быть съеденной ещё более голодными, теряющими от голода человеческий облик полулюдьми. Вчера именно это чуть не произошло с Маришкой, когда они вдвоём с Тамарой возвращались из школы. Напавший на сестёр мужчина был крупным и, наверное, когда-то был сильным. Сейчас он сильным не был и ошибочно схватил старшую сестру, вместо маленькой и совсем беззащитной Маришки. Та бросилась на помощь, но единственное, чего смогла добиться, что мужчина оттолкнул старшую и накинудся на неё. Тамара закричала так, что люди стали выглядывать в окна. Из ближайшей подворотни «вынырнул» патруль, и Маришку спасли. Вдвоём с Тамарой они вступили в отряд юных пожарниц и тушили «зажигалки» на крышах осаждённого города. Вдвоём ходили разбирать завалы на местах разрушенных бомбами домов. После войны в конце сороковых почти одновременно выскочили замуж. Произвели на свет первое потомство. Тоже почти одновременно. Ненадолго расстались, а потом, уже в начале шестидесятых, поселились в одном доме на Чёрной речке. Вот так всю жизнь и провели рядом, помогая друг другу и оставаясь очень близкими и любящими сестрами. Лариска, которая была немного постарше, почти всю войну проработала на телефонной станции. На работе, так же, как и дома, она со всеми ссорилась по причине и без причин, и доказывала свою правоту. Её предупреждали, она просила прощения. Её прощали, но всё повторялось снова. Болезнь или поселившийся в ней демонёнок её не отпустили до конца жизни. Она никому не доверяла, даже самым близким. Любила хорошо поскандальить. Поэтому никого, в результате, так и не смогла полюбить по-настоящему. Хотя мужчин в её жизни перебывало предостаточно. Детей создатель ей не дал. Видимо он решил, что и так уже достаточно на земле крикунов и скандалистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.